П.Я. Гальперин
К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ

(Доклады АПН РСФСР, 1957, № 4)

В отечественной психологии знаниями о внутренней речи мы обязаны главным образом Л. С. Выготскому. Согласно его исследованиям, внутренняя речь образуется из внешней речи путем изменения ее функции к вследствие этого — ее структуры. Из средства сообщения мыслей другим людям речь становится средством мышления “для себя”, Из нее устраняется все, что “я и так знаю”, речь становится сокращенной и прерывистой, “эллиптической” и - предикативной (последний признак С. Л. Рубинштейн считает не всеобщим). Большей частью внутренняя речь происходит про себя, “внутри”, но может совершаться и вслух, например, при затруднениях в мышлении; когда мы остаемся наедине или забываем об окружающих. Этот естественный выход внутренней речи наружу Л. С. Выготский сделал приемом исследования, который в свое время имел принципиальное значение, показав внешнее происхождение внутренней речи и ее понятные связи с мышлением.

Согласнотакому пониманию, внутренняя речь предполагает, с одной стороны, речь-сообщение, с другой—все то, что “подразумевается” и о чем думают уже без помощи речи, т. е. свободные от речи мысли и мышление. Именно сопоставление с ними дает объяснение и характеристику внутренней речи: по сравнению с “чистым” мышлением - это еще речь, а по сравнению с речевым сообщением - это особая речь, форма мышления; от внешней речи она происходит, а благодаря скрытому за ней мышлению ее бессвязные частицы выполняют осмысленную роль; и генетически, и функционально внутренняя речь служит переходом от внешней речи к чистой мысли и от нее к внешней речи. Без них обоих и без непосредственной связи с ними внутренняя речь (в понимании Выготского) не может ни существовать, ни быть понята.

Но со времени Выготского наши знания о мышлении и речи и наше понимание их связи намного продвинулись вперед.

Отечественное языкознание и отечественная психология не признают существования “оголенных мыслей”, мышления, свободного от языка[1]. К этому общему положению психология добавляет ряд специальных фактов. Так, например, оказалось, что даже наглядные представления не могут стать надежной опорой умственного действия, если не будут предварительно отработаны на основе речи[2]. Вторая сигнальная система является непременным условием формирования отдельного внутреннего плана сознания наряду с планом внешнего восприятия. Во всяком случае, несомненно, что специфически человеческое мышление является полностью речевым. И если оно выглядит “чистым” от речи (в определённой внутренней своей форме), то это должно получить специальное объяснение.

Мнение, будто существуют “чистое мышление” и мысли, которые трудно выразить словами, имеет давнее происхождение и было почти общепризнанным во времена Выготского. Оно опиралось не только на широко распространенное переживание “муки слова”, о котором часто и красочно рассказывают поэты и писатели, но и на

экспериментальные данные. Что касается последних, то они представляли собой результаты исследований, проведенных с применением “систематического самонаблюдения” над процессом решения задач (даже самых простых и с непосредственно наличным чувственным материалом). Эти результаты подтверждались всякий раз, когда умственный процесс наблюдался “изнутри” (что считалось равнозначным его изучению “в его собственном виде”). С другой стороны, попытки зарегистрировать участие речедвигательных органов в процессе мышления (см., например, интересные исследования А.Н. Соколова) приводят к заключению, что если задания относятся к хорошо освоенной области, то производимая в уме интеллектуальная работа не сопровождается участием этих органов (по крайней мере, таким, котороё можно уловить современными средствами).

Общий вывод из этих разнородных исследований сводится к тому, что когда интеллектуальная деятельность не встречает затруднений, то ни самонаблюдение, ни регистрация состояния речедвигательных органов не обнаруживают участия речи в процессе мышления.

С этими фактами, конечно, нельзя, не считаться, но дело в том, что сами по себе они совершенно недостаточны, чтобы сделать обоснованное заключение о существовании “чистого мышления” и “чистых мыслей”. Для этого нужно еще одно предположение: по линии самонаблюдения — что его показания непосредственно раскрывают природу психических явлений, по линии периферических органов речи - что их состояние однозначно связано с центральным процессом речевого мышления.Правда, такая оценка самонаблюдения широко распространена в буржуазной психологии, однако даже там она не является общепризнанной. В отечественной психологии она, считается ложной. В отечественной психологии данные самонаблюдения, как и данные всякого другого наблюдения, признаются только явлениями, а не сущностью наблюдаемых процессов, В нашем случае эти явленияговорят о том, как выглядит мышление (в самонаблюдений) не каково оно на самом деле. Точно так же в советской психологии и физиологии никто не думает, что между периферическими органами и процессами коры головного мозга всегда существует одно и то же отношение. Наоборот, является элементарным положение, что при известных условиях эти отношения меняются; в частности, они меняются при образовании динамического стереотипа, т. е. при образовании навыка. Поэтому, если в известных случаях мышление “про себя” происходит без участия голосовых органов, то это еще не говорит о том, что и центральный процесс мышления не связан с центральным представительством. Итак, из того факта, что приопределенных условиях ни самонаблюдение, ни объективная регистрация речедвигательных органов не обнаруживают участия речи в процессе мышления", не следует, что существует “чистое мышление” и “оголенные” от словесной оболочки - мысли. Научных фактов, которые доказывали бы их существование, нет. Но что положительного может сказать психология (психология, а не языкознание!) о речевой природе мышления, которое прежде считалось “чистым” от речи? Очевидно, для этого нужны знания, которые были бы получены из других источников, чем самонаблюдение или регистрация деятельности периферических органов. Здесь перед нами во всем значении выступает проблема методики исследования. Психологическая убедительность мнения о существовании “чистого мышления” как раз и была обусловлена тем, что психологические .сведения о мышлении и речи ограничивались только явлениями: явлениями мышления — на его субъективном “конце”, явлениями речи — на ее эффекторном конце. А центральные процессы мышления и речи оставались за пределами объективного исследования

Проведенные за последнее время исследования по формированию умственных действий открывают в этом отношении некоторые возможности. Согласно этим исследованиям, последним этапом и завершающей формой умственного действия является особый вид речи, который по всем признакам должен быть назван внутренней речью и который сопровождается явлениями так. называемого “чистого мышления”. Но так как теперь мы знаем, из чего и каким способом всё это получается, то понимаем и действительное содержание процессов и причину того, почему, в конечном счете, он приобретает такую видимость! Вкратце говоря, эти преобразования происходят следующим образом.

Формирование умственного действия проходит пять этапов. Первый из них можно было бы назвать составлением как бы “проекта действия” - его ориентировочной основы, которой в дальнейшем ученик руководствуется при его выполнении. На втором этапе образуется материальная (или материализованная) форма этого действия — его первая реальная форма у данного ученика. На третьем этапе действие отрывается от вещей (или их материальных изображений) и переносится в план громкой, диалогической речи. На четвертом этапе действие выполняется путем беззвучного проговаривания про себя, но с четким словесно-понятийным его расчленением. Это действие в плане “внешней речи про себя на следующем этапе становится автоматическим процессом и вследствие этого именно в своей речевой части уходит из сознания; речевой процесс становится скрытым и в полном смысле внутренним.

Таким образом, речь участвует на всех этапах формирования умственного действия, но по-разному. На первых двух этапах, “перед лицом вещей” и материального действия, она служит только системой указаний на материальную действительность. Впитав в себя опыт последней, речь на трех дальнейших этапах становится единственной основой действия, выполняемого только в сознании. Однако и на каждом из них она образует, особый вид речи. Действие в плане “громкой речи без предметов” образуется под контролем другого человека и прежде всего как сообщение ему об этом действии. Для того, кто учится его выполнять, это означает формирование объективно-общественного сознания данного действия, отлитого в установленные формы научного языка, - формирование объективно-общественного мышления о действии. Таким образом, на первом собственно речевом этапе мышление и сообщение составляют неразделимые стороны единого процесса совместного теоретического действия. Но уже здесь психологическое ударение может быть перенесено то на одну, то на другую сторону, и соответственно этому формы речи меняются от речи-сообщения другому до речи-сообщения себе; в последнем случае целью становится развернутое изложение действия, идеальное восстановление его объективного содержания. Затем это “действие в речи без предметов” начинают выполнять про себя, беззвучно; в результате получается “внешняя речь про себя”. Она и здесь является сначала обращением к воображаемому собеседнику, однако по мере освоения действия в этой новой форме воображаемый контроль другого человека все более отходит на задний план, а момент умственного преобразования исходного материала, т. е. собственно мышление, все более становится главенствующим. Как и на всех этапах, действие во “внешней речи про себя” осваивается, с разных сторон: на разном материале, в разном речевом выражении, с разной полнотой составляющих действие операций. Постепенно человек переходит ко все более сокращенным формам действия и, наконец, к его наиболее сокращенной форме - к действию по формуле, когда от действия остается, собственно, только переход от исходных данных к результату, известному по прошлому опыту.

В таких условиях наступает естественная стереотипизация действия, а с нею и

быстрая его автоматизация. Последняя в свою очередь ведет к отодвиганию действия на периферию сознания, а далее и за его границы. Явно речевое мышление про себя становится скрыто речевым мышлением “в уме”. Теперь результат его появляется как бы “сразу” и без видимой связи с речевым процессом (который остается за пределами сознания) “просто” как объект. Согласно глубокому указанию И. П. Павлова, течение автоматизированного процесса (динамического стереотипа) отражается в сознании в виде чувства. Это чувство имеет контрольное значение, и за речевым процессом, получившим указанную форму, как за всяким автоматизированным процессом, сохраняется контроль по чувству. По той же причине, (отсутствие в сознании речевого процесса) это чувство нашей активности теперь относится непосредственно к его продукту, и воспринимается как идеальное действие в отношении его, как мысль о нем. В итоге всех этих изменений скрытое речевое действие представляется в самонаблюдении как “чистое мышление”.

Особый интерес представляет физиологическая сторона этого процесса. Автоматизация речевого действия означает образование его динамического стереотипа, а последний образование непосредственной связи между центральными звеньями речевого процесса, которые прежде были отделены работой, исполнительных органов. До, образования динамического стереотипа нужно было произнести слово, чтобы в сознании отчетливо выступило его значение, — теперь между звуковым образом слова и его значением образуется прямая связь, возбуждение непосредственно переходит от нервного пункта, связанного со звуковым образом слова, к нервному пункту, связанному с его значением, минуя обходный путь через речедвигательную периферию. На это сокращение физиологического процесса обращает особое внимание П. К. Анохин. Очевидно, в таком случае центральный речевой процесс может и не сопровождаться изменениями речедвигательных органов.

Так свойства последней формы умственного действия объясняют те особенности скрыторечевого мышления, которые вызывают столько недоразумений в понимании мышления и речи, когда они рассматриваются без учета их происхождения как готовые наличные явления.

Процесс автоматизации не сразу захватывает весь состав речевого действия, и даже потом, когда этот процесс закончился, действие происходит описанным способом лишь при условии, что его применение к новой задаче не встречает препятствий. Если же они возникают, то ориентировочный рефлекс, внимание переключаются на затруднение и это вызывает на данном участке переход действия к более простому и раннему уровню (в нашем случае - к неавтоматизированному выполнению “во внешней речи про себя”). Этот факт, давно известный в психологии, с психофизиологической стороны хорошо объяснен А. Н. Леонтьевым как результат растормаживания прежде заторможенных участков вследствие отрицательной индукции из нового очага, соответствующего новому объекту внимания. Но так как это касается лишь отдельных участков более, широкого процесса, то соответствующие им частицы “внешней речи про себя” появляются разрозненно и для наблюдателя представляются бессвязными речевыми фрагментами.

Итак, эти речевые фрагменты представляют собой результат частичного перехода от скрыторечевого и автоматизированного мышления к мышлению явно речевому и “произвольному”, т. е. частичное возвращение от внутренней речи к “внешней речи про себя”. И по функции, и по механизмам, и по способу выполнения они принадлежат “к внешней речи про себя”, одну из сокращенных форм которой они и составляют. Не располагая данными ни об этом виде речи, ни о действительной

природе того, что представляется “чистым мышлением”, Выготский считал эти фрагменты особым видом речи - внутренней речью. Но теперь мы видим, что они не составляют ни внутреннюю речь, ни вообще отдельный вид речи.
Внутренней речью в собственном смысле слова может и должен называться тот скрытый речевой процесс, который ни самонаблюдением, ни регистрацией речедвигательных органов уже не открывается. Эта собственно внутренняя речь характеризуется не фрагментарностью и внешней непонятностью, а новым внутренним строением — непосредственной связью звукового образа слова с его значением и автоматическим течением, при котором собственно речевой процесс остается за пределами сознания; в последнем сохраняются лишь отдельные его компоненты, выступающие поэтому без видимой связи с остальной речью и на фоне как бы свободных от нее значений, словом, в причудливом виде “чистого мышления”.

Для исследования этого скрытого речевого мышления изучение умственных действий в процессе их формирования открывает новые методические возможности. В общих чертах они сводятся к двум приемам, с помощью которых мы планомерно управляем ходом этого процесса. Это — систематическое изменение условий, при которых предлагается выполнить действие, и систематическое выяснение условий, благодаря которым оно становится возможно. Система, о которой в обоих случаях идет речь, определяется последовательностью основных свойств действия, его параметров, а внутри каждого из них - их показателей. Опираясь на знание этой последовательности, мы строим умственное действие, обладающее определенными свойствами, которые оно проявляет в четко определенных условиях. И так как мы сами его строим, то в точности знаем, из чего и каким путем оно на каждой ступени образуется и что на самом деле представляет собой в каждой новой своей форме, — знаем это по результату действия даже тогда, когда уже не видим его самого и не получаем симптомов о его физиологической периферии.

1. О мышлении в образах, которое представляет собой совсем иной вид мышления, ни здесь, ни в последующем, мы не говорим.
2. Вопрос об эйдетизме мы оставляем в стороне. Это явление частного порядка и притом неясного как раз в отношении зависимости эйдетических образов от характера речевой отработки.